

СОЦИАЛЬНЫЕ ЭКСТЕРНАЛИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ИНВЕСТИЦИЙ: ОПЫТ СТРАН ОЭСР*

Ольга Павловна НЕДОСПАСОВА^а*, Галина Анзельмовна БАРЫШЕВА^б,
Анастасия Юрьевна КАЙДА^с

^а доктор экономических наук, доцент, профессор Школы инженерного предпринимательства
Национального исследовательского Томского политехнического университета, Томск, Российская Федерация
olgaeconomy@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8272-4616>
SPIN-код: 1356-4741

^б доктор экономических наук, профессор Школы инженерного предпринимательства
Национального исследовательского Томского политехнического университета, Томск, Российская Федерация
ganb@tpu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2746-1355>
SPIN-код: 2263-6317

^с студентка магистратуры Инженерной школы информационных технологий и робототехники
Национального исследовательского Томского политехнического университета, Томск, Российская Федерация
ayk13@tpu.ru
ORCID: отсутствует
SPIN-код: отсутствует

• Ответственный автор

История статьи:

Получена 24.01.2019
Получена в доработанном
виде 11.02.2019
Одобрена 28.02.2019
Доступна онлайн
15.04.2019

УДК 338.001.36
JEL: E21, F63, H52,
J24, I25

Ключевые слова:

образование, инвестиции,
экстерналии, здоровье,
удовлетворенность
жизнью

Аннотация

Предмет. Последние десятилетия стали временем широкого признания инвестиций в сферу образования как ключевого условия социально-экономического развития общества и благополучия личности. Во множестве научных работ неоднократно подтверждена ценность идеи о том, что затраты на образование, понесенные домашними хозяйствами, фирмами и государством, принесут значительную социально-экономическую отдачу, позволят повысить доходы и упрочить социально-экономический статус индивида как объекта инвестиций такого рода, в том числе обеспечат личности и обществу значительные социальные преференции.
Цели. Комплексное исследование, основанное на данных актуальной статистики по странам ОЭСР, направленное на выявление, сравнение и обобщение информации о явных и неявных социальных экстерналиях, которые обусловлены уровнем образования человека и меняются при его увеличении.

Методология. Анализ международных статистических данных, сравнение, теоретический анализ и синтез, абстрагирование, индукция, классификация и аналогия.

Результаты. Описаны малоизученные формы проявления и степень выраженности экстерналий, обусловленных инвестициями в сферу образования. Показано влияние уровня образования (начального, среднего, высшего), достигнутого взрослыми людьми в возрасте 25–64 лет в различных странах ОЭСР на степень выраженности субъективных оценочных суждений о состоянии здоровья, о наличии ограничений в физической активности из-за проблем со здоровьем, об удовлетворенности жизнью в целом, о склонности (или несклонности) мужчин и женщин с разным уровнем образования к депрессии.

Выводы. Выявлены возможные причины неоднородности полученных результатов в различных странах ОЭСР, в том числе о различиях в результатах для мужчин и женщин. Аргументирована важность выявленных закономерностей для перспектив социально-экономического развития России и для обоснования решений о масштабах и формах инвестиций в сферу образования.

© Издательский дом ФИНАНСЫ и КРЕДИТ, 2019

Для цитирования: Недоспасова О.П., Барышева Г.А., Кайда А.Ю. Социальные экстерналии образовательных инвестиций: опыт стран ОЭСР // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2019. – Т. 15, № 4. – С. 629 – 647.
<https://doi.org/10.24891/ni.15.4.629>

Введение

Конец XX – начало XXI вв. явились временем широкого признания инвестиций в человеческий капитал в качестве ключевого условия социально-экономического развития общества и личности. Политики, экономисты, социологи, общественные деятели выражают редкое единодушие в том, что вложения в сферу образования способствуют процветанию общества, росту конкурентоспособности компаний и благополучию человека. Этим вопросам уделено значительное исследовательское внимание Р.А. Атаханова [1], Н.А. Ильиной и А.В. Путилова [2], И.М. Корниловой [3], Ж.К. Леоновой [4] и др. К настоящему времени в экономической науке выявлены и обоснованы веские доводы, доказывающие экономическую целесообразность отказа от традиции рассмотрения вложений экономических ресурсов в сферу образования как безвозвратных расходов на ее содержание. Убедительные аргументы этому приведены в работах Г. Сахаропулоса и Х. Патриноса [5], И.В. Абанкиной, Т.В. Абанкиной и Л.М. Филатовой [6], Р.М. Мельникова [7], О.П. Недоспасовой, Г.А. Барышевой и Е.А. Таран [8] и др. Доказано, что затраты на образование, понесенные государственными бюджетами, домашними хозяйствами и фирмами принесут значительную отдачу обществу, его членам, компаниям, ее аккумуляция повысит не только доходы человека, но и упрочит социально-экономический статус индивида как объекта инвестиций такого рода, а также принесет значимые выгоды для общества в целом. Этому посвящены исследования многих отечественных и зарубежных авторов, например П. Джильотти и Л. Соренсена [9],

С. Хекмана и К. Монталто [10], М. Ли, С. Гоеза и Б. Вебера [11]. Важные выводы о социально-экономической отдаче инвестиций в сферу образования отражены в работах И.В. Соболевой и Т.В. Чубаровой [12], Е.В. Фроловой и О.В. Рогач [13], Е.В. Савицкой и Н.С. Алтуниной [14], Г.К. Исаевой, А.А. Абдикадыровой, З.Т. Алиевой и др. [15], а также во многих других работах.

Важно, что данная тенденция характерна не только для домашних хозяйств и фирм, весьма четко осознающих экономические выгоды от инвестиций в образование конкретных людей, которые можно оценивать в том числе и в терминах, характерных для традиционного инвестиционного анализа (NPV, IRR, срок окупаемости инвестиций и др.). Отметим, что инвестиционный подход в последние годы весьма характерен для государственных вложений в сферу образования. Это отражено в работах Дж. Флори [16], С. Датсберга [17], Г. Ходжа и С. Гриви [18]. Каждый год появляется все больше исследований, доказывающих, что бюджетные вложения в данную сферу принесут весомую отдачу, обеспечат значительные социально-экономические выгоды, повлекут за собой ускоренное накопление человеческого капитала и непрерывное благополучие личности, компании и общества в целом. Такая точка зрения характерна для И.А. Григорьевой [19], И.П. Денисовой и С.Н. Рукиной [20], А.Н. Лунькина [21] и многих других авторов.

Международные исследования последних лет демонстрируют значительные социальные эффекты, обусловленные ростом уровня образования человека: благодаря ему наблюдается улучшение в субъективных оценках состояния здоровья людей, происходит повышение добровольческой активности граждан, усиливаются

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта «Разработка комплексной оценки эффективности вовлеченности пожилых людей в региональный социум», проект № 19-010-00984.

межличностное доверие и политическая активность, снижается социальная напряженность. Рост уровня образования делает человека более культурным и нравственным, терпимым к чужим недостаткам. На макроэкономическом уровне рост уровня образования ведет к ускорению научно-технического прогресса, повышает скорость создания и распространения инноваций. Такие результаты представлены в работах И.В. Вязиной [22], Д.А. Цыплаковой [23], отражены в более ранней авторской публикации [24]. Широкий спектр горизонтальных и вертикальных социально-экономических эффектов, обусловленных инвестициями в сферу образования дает веские аргументы для отнесения их к положительным социальным экстерналиям. Данный вывод не противоречит общей логике экономической теории о том, что экстерналиями обычно принято называть «воздействия рыночной транзакции на третьих лиц, причем не опосредованные рынком» [25]. Отметим, что в данном контексте очень важно то, что многосубъектные инвестиции в сферу образования (осуществляемые в настоящее время государством, индивидами, фирмами) приносят положительные внешние эффекты (как монетарные, так и немонетарные). Они возникают и присваиваются не только в рыночной среде и (или) в процессе производственной деятельности, но и в процессе потребления, за пределами рынков. Они обеспечивают не только прямые эффекты в виде роста доходов индивидов, фирмы, государства, но и социальные (косвенные) внешние эффекты, принимающие разнообразные формы немонетарных доходов и выгод и (или) неосязаемой экономии для личности и общества.

Государства, входящие в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) традиционно являются объектами масштабных межстрановых исследований, в том числе и по оценке социально-экономических эффектов от инвестиций в образование. Так, в 2016–2017 гг. исследователи тестировали гипотезу о

наличии связей между уровнем образования взрослых (в возрасте от 25 до 64 лет) и степенью выраженности у людей, стратифицированных в различные группы по уровню образования (начальное, среднее, высшее), различных субъективных оценочных суждений. Они анализировали ответы респондентов на вопросы о состоянии здоровья, о наличии тех или иных ограничений в активности из-за проблем со здоровьем, об удовлетворенности жизнью в целом, о склонности (или не склонности) к депрессии¹.

В данной работе представлены результаты анализа статистических данных, на основе которого будут сформулированы соответствующие выводы.

В настоящем исследовании анализируются результаты наблюдений, проведенных за последние годы экспертами ОЭСР в глобальном масштабе. Они сознательно были сфокусированы на относительно узком круге явлений и весьма ограничены по времени сбора и представления данных. Поскольку представленные в данных сборниках финансово-экономические, демографические, социологические, медико-социальные и иные показатели по странам ОЭСР являются не интервальными, а моментальными, то применить для них более сложные и точные методы выявления и анализа зависимостей, например, корреляционный анализ (обычный или непараметрический) в данном случае было бы некорректно. Именно поэтому в данном исследовании применены такие аналитические инструменты, как индукция, классификация, абстрагирование, синтез, аналогия и сравнение статистических данных.

Влияние уровня образования человека на субъективные оценки состояния здоровья

Анализ актуальных статистических данных по странам ОЭСР показал, что для мужчин с высшим образованием субъективные оценки

¹ Education at a Glance 2016: OECD Indicators. Paris: OECD Publishing, 2016. URL: <http://dx.doi.org/10.187/eag-2016-en>; Education at a Glance 2017: OECD Indicators. Paris: OECD Publishing, 2017. URL: <http://dx.doi.org/10.1787/eag-2017-en>

состояния здоровья очень высоки: в среднем по ОЭСР о своем хорошем здоровье ответили 90,6% (рис. 1). Самый высокий уровень хороших оценок здоровья для мужчин с высшим образованием отмечается в Германии (97,7%), Чехии (96,8%) и Канаде (95,8%). Наиболее низкие субъективные оценки состояния здоровья характерны для мужчин с высшим образованием из Кореи (63,7%), Эстонии (77,3%) и Японии (77,7%).

Важно отметить, что во всех анализируемых странах субъективные оценки состояния здоровья у мужчин с низким уровнем образования оказываются намного ниже. В среднем по ОЭСР только 69% мужчин с начальным образованием оценили свое здоровье как хорошее. При этом самые высокие субъективные оценки собственного здоровья характерны для мужчин с наиболее низким уровнем образования в Греции (85,8%), Новой Зеландии (81,2%) и Ирландии (79,6%). А самые низкие субъективные оценки здоровья оказались у мужчин с начальным образованием в Корее (39,7%), Эстонии (43,1%) и Литве (52%). Таким образом, во всех анализируемых странах хорошие оценки здоровья оказались устойчиво выше у мужчин с высшим образованием. Кроме того, прирост положительных субъективных оценок здоровья у мужчин в ОЭС с дифференциацией по уровню образования (от начального к высшему) составил в среднем 21,6%. Самые значительные разрывы по этому показателю характерны для Эстонии (34,2%), Литвы (29,9%) и Польши (29,5%).

Что касается женщин, проживающих в странах ОЭСР, то аналогичный анализ показал для них схожие с мужчинами результаты. В среднем по ОЭСР о своем хорошем здоровье заявили только 65% женщин с начальным образованием, что несколько ниже аналогичного значения для мужчин (69%). Для женщин с высшим образованием, проживающих в странах ОЭСР, субъективные оценки состояния здоровья очень высоки: в среднем по ОЭСР о своем хорошем здоровье ответили 89,5% опрошенных, что почти

совпадает с аналогичным показателем для мужчин (91%) (рис. 2).

Самый высокий уровень хороших оценок здоровья для женщин с высшим образованием отмечается в Чехии (96,6%), США (96%) и Израиле (95,5%). Наиболее низкие субъективные оценки состояния здоровья характерны для женщин с высшим образованием из Кореи (54,2%), Японии (76,7%) и Эстонии (77,9%). Во всех анализируемых странах субъективные оценки состояния здоровья у женщин с начальным образованием ниже, чем у аналогичных респондентов с высшим образованием. При этом самые высокие субъективные оценки собственного здоровья характерны для женщин с наиболее низким уровнем образования в Чехии (83,0%), Канаде (79,8%) и Греции (79,8%). А самые низкие субъективные оценки здоровья оказались у женщин с начальным образованием в Эстонии (43,7%), Литве (44,0%) и Японии (58,8%).

Таким образом, во всех анализируемых странах хорошие оценки здоровья у женщин (как и у мужчин) оказались устойчиво выше для тех, кто имеет высшее образование. Прирост положительных субъективных оценок здоровья у женщин в ОЭС с дифференциацией по уровню образования (от начального к высшему) составил в среднем 24,9% (то есть почти совпал с аналогичным значением для мужского населения ОЭСР). Самые значительные разрывы по субъективным оценкам состояния здоровья у женщин с низким и высоким уровнем образования характерны для Литвы (40%), Эстонии (34,3%), Швеции (31,9), Испании (31,8) и США (31,6%).

Влияние уровня образования человека на субъективное представление о наличии ограничений в активности из-за проблем со здоровьем

Анализ данных, представленных в отчете ОЭСР [20], показывает, что чем выше уровень образования респондентов, тем меньше (в среднем) ограничений в собственной активности по причинам, связанным со

здоровьем, они испытывают. Самые серьезные ограничения в активности из-за проблем со здоровьем испытывают граждане ОЭСР (и мужчины, и женщины), уровень образования которых относительно низкий.

Для мужского населения ОЭСР о наличии ограничений в физической активности по причинам, обусловленным состоянием здоровья, сообщили 30,5% опрошенных с низким уровнем образования и только 16,6% – с высшим образованием (рис. 3).

Аналогичное соотношение характерно для всех исследуемых стран. Наилучшие оценки (наименее значительные ограничения физической активности) у мужчин с низким образовательным уровнем отмечаются в Швеции (20,5%), Канаде (21,5%) и Исландии (22,5%). Самые серьезные ограничения – у мужчин с низким образованием в Австрии (52,8%), Эстонии и Словакии (52%). Для мужчин в странах ОЭСР с высшим образованием самые высокие оценки ограничений в физической активности по причинам, обусловленным здоровьем, отмечаются в Дании (26,4%), Латвии (25,8%) и Эстонии (25,4%). Самые низкие оценки таких ограничений у мужчин с высшим образованием зафиксированы в Швеции (4,9%), Норвегии (7,4%) и США (7,9%).

Что касается женщин в странах ОЭСР (рис. 4), то для них доля тех, кто сообщил о наличии ограничений в физической активности по причинам, связанным с состоянием здоровья, среди респондентов с низким уровнем образования в среднем составила 48,6% (что более чем на 18% выше аналогичного значения для мужчин). При этом аналогичный показатель для женщин с высшим образованием составил только 18,3% (что почти совпало с соответствующим значением для мужчин, равным 16,6%). Наименее значительные ограничения физической активности у женщин с низким образовательным уровнем отмечаются в США (8%), Швеции (9,7%) и Канаде (10,8%). Самые серьезные ограничения – у женщин с низким

образованием в Словакии (71,7%), Литве (69,3%) и Латвии (67,2%).

Для женщин в странах ОЭСР с высшим образованием самые высокие субъективные оценки ограничений в физической активности по причинам, обусловленным здоровьем, отмечаются в Финляндии (29,7%), Дании (28,3%), Эстонии (28,2%). Самые низкие оценки таких ограничений у женщин с высшим образованием зафиксированы в США (8%), Швеции (9,7%) и Канаде (10,8%). Максимальные разрывы в субъективных оценках наличия ограничений в физической активности по причинам, связанным с состоянием здоровья (по уровням образования), зафиксированы в Литве, Словакии и Венгрии, наименьшие – в Дании, Швейцарии и Исландии.

Влияние уровня образования человека на субъективное представление об удовлетворенности жизнью в целом

Результаты опросов об удовлетворенности человеком своей жизнью с учетом достигнутого уровня образования в ОЭСР проводились без учета гендерных различий [25]. Этот показатель, как известно, в максимальной степени отражает субъективное восприятие благополучия. Данные об удовлетворенности человеком его жизнью представляют долю взрослых, которые поставили оценку 6 или выше, отвечая на следующий вопрос: «Представьте себе лестницу со ступенями от 0 до 10. Предположим, что верхняя часть лестницы представляет собой наилучшую для вас жизнь, а нижняя – наихудшую. На какой ступени такой лестницы вы находитесь сейчас?».

Анализ данных, представленных на рис. 5, позволяет сделать вывод о том, что в большинстве стран ОЭСР люди с высшим образованием в большей мере удовлетворены своей жизнью, по сравнению с теми, чей уровень образования ниже.

Исключением здесь являются только две страны: Аргентина и Австрия, где

анализируемые показатели имеют противоположное соотношение. Причем, если в Аргентине доля людей со средним образованием, довольных своей жизнью, превышает соответствующий показатель для людей с высшим образованием на 3,9%, то в Австрии – на 11%. Для всех остальных стран ОЭСР характерен рост степени удовлетворенности людей своей жизнью по мере повышения уровня образования.

В среднем для ОЭСР эти значения составляют соответственно 82,8 и 91,8%, то есть удовлетворенность жизнью при росте уровня образования в среднем возрастает на 9%. Важно отметить, что во многих анализируемых странах уровень удовлетворенности своей жизнью у людей с высшим образованием близок к 100% (Исландия, Словакия, Швеция, Новая Зеландия, Норвегия и др.). Наиболее низкий уровень удовлетворенности жизнью у людей с высшим образованием наблюдается в Индии (66,5%), Корее (75,3%) и Турции (78,8%). Самые значительные разрывы по субъективным оценкам удовлетворенности жизнью у людей со средним и высшим образованием характерны для Южной Африки (32,8%), Португалии (26,3), Венгрии (24,6) и Индии (23,3%).

Влияние уровня образования человека на субъективную оценку склонности к депрессии

Данный анализ (аналогично субъективным оценкам здоровья в целом) проводился в гендерном разрезе: отдельно для мужчин и для женщин. Анализируя данные о мужском населении в странах ОЭСР, отметим, что явными лидерами в ощущении депрессии в целом являются весьма благополучные в социально-экономическом плане страны: Исландия, Германия, Ирландия и Финляндия (рис. 6).

Говоря о различиях в ощущении депрессии по уровням образования мужчин, отметим, что практически во всех странах это субъективное представление снижается по мере роста у

мужчин уровня образования. Однако есть и исключения. Так, в Швеции ощущение депрессии по мере роста уровня образования увеличивается. А в таких странах, как Канада, Швейцария, Франция устойчивой зависимости между анализируемыми факторами не наблюдается. Тем не менее в большинстве стран ОЭСР самые высокие оценки депрессии для мужчин дали респонденты с наиболее низким уровнем образования.

Что касается женщин в странах ОЭСР, то здесь явными лидерами в ощущении депрессии являются Турция, Португалия, Финляндия, Швеция, Германия (рис. 7).

Различия в ощущении депрессии по уровням образования у женщин аналогичны выводам, сделанным для мужчин. Как в среднем по ОЭСР, так и в большинстве стран, это субъективное представление снижается по мере роста у женщин уровня образования. Исключением является Финляндия: здесь самая высокая субъективная оценка склонности к депрессии приходится на женщин со средним образованием. Как и для мужчин, в большинстве стран ОЭСР самые высокие оценки депрессии для женщин дали респонденты с наиболее низким уровнем образования.

Выводы

Анализ данных, представленных в актуальных отчетах по странам ОЭСР, показал, что для большинства из них характерно наличие значимых социальных экстерналий от инвестиций в образование, которые значимо увеличиваются (за редким исключением) при росте уровня образования взрослых практически во всех странах. Результаты анализа показали, что уровень образования в большей мере, чем гендерные различия определяют в настоящее время различия в субъективных оценках многих критериев благополучия человека.

Понимая важность культурных, исторических, географических, ментальных и иных особенностей граждан различных стран,

входящих в ОЭСР, следует признать, что благодаря росту уровня образования в большинстве анализируемых стран наблюдается повышение положительных оценок состояния здоровья человека, сокращаются ограничения в активности из-за проблем со здоровьем, растет удовлетворенность жизнью в целом и, как правило, уменьшается склонность к депрессии (как у мужчин, так и у женщин).

Данные выводы, безусловно, не являются универсальными, однако, они могут стать важными аргументами для обоснования экономической целесообразности увеличения объемов и расширения структуры инвестиций в сферу образования как источника мощных

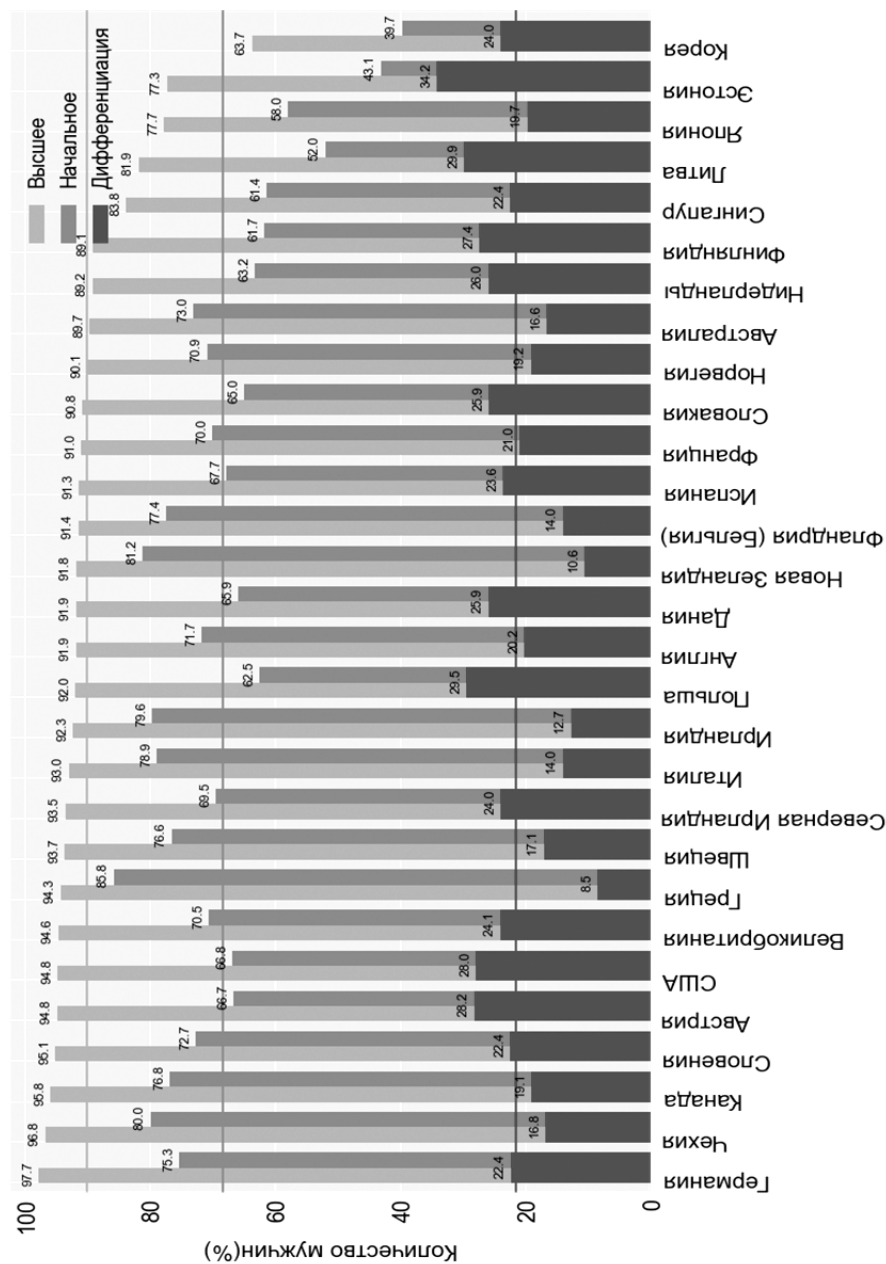
положительных экстерналий, связанных с социальной сферой и субъективными представлениями о благополучии человека, степени его вовлеченности в социум. Фактически, инвестиции в сферу образования запускают особый «мультипликатор»: увеличение образовательных инвестиций влечет за собой значительное приращение различных компонентов человеческого капитала и национального дохода, в том числе благодаря внешним (как монетарным, так и не монетарным) социальным экстерналиям. Именно они формируют важную и во многом недооцененную часть фундамента благополучия людей на различных этапах их жизненной траектории.

Рисунок 1

Количество мужчин в странах ОЭСР, оценивающих свое здоровье как хорошее с учетом уровня образования, %

Figure 1

Number of men in OECD member countries who assess their health as good, considering the level of education, percentage

Источник: авторская разработка

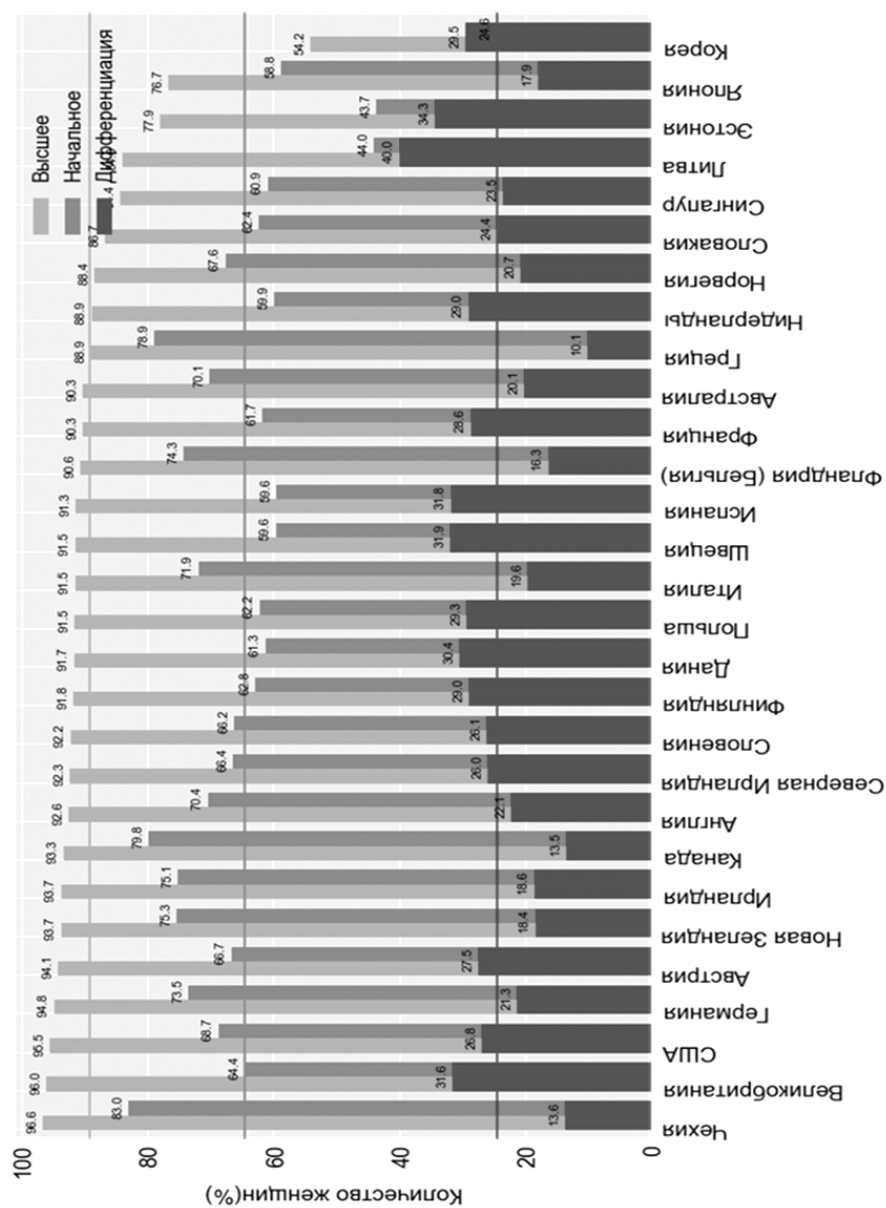
Source: Authoring

Рисунок 2

Количество женщин в странах ОЭСР, оценивающих свое здоровье как хорошее с учетом уровня образования, %

Figure 2

Number of women in OECD member countries who assess their health as good, considering the level of education, percentage

Источник: авторская разработка

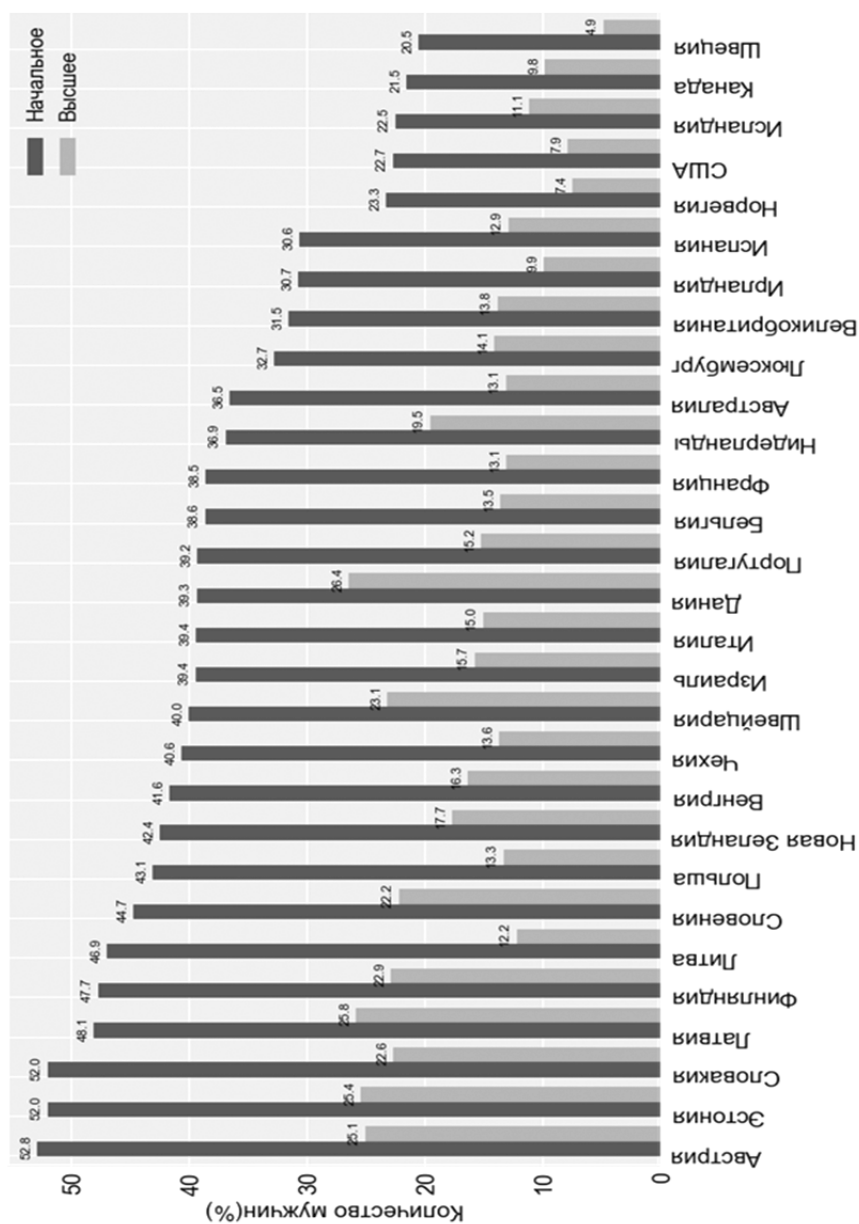
Source: Authoring

Рисунок 3

Процент мужчин, сообщивших о наличии ограничений в физической активности по причинам, связанным с состоянием здоровья (по уровням образования)

Figure 3

Percentage of men reporting physical activity limitations for health reasons (by education level)

Источник: авторская разработка

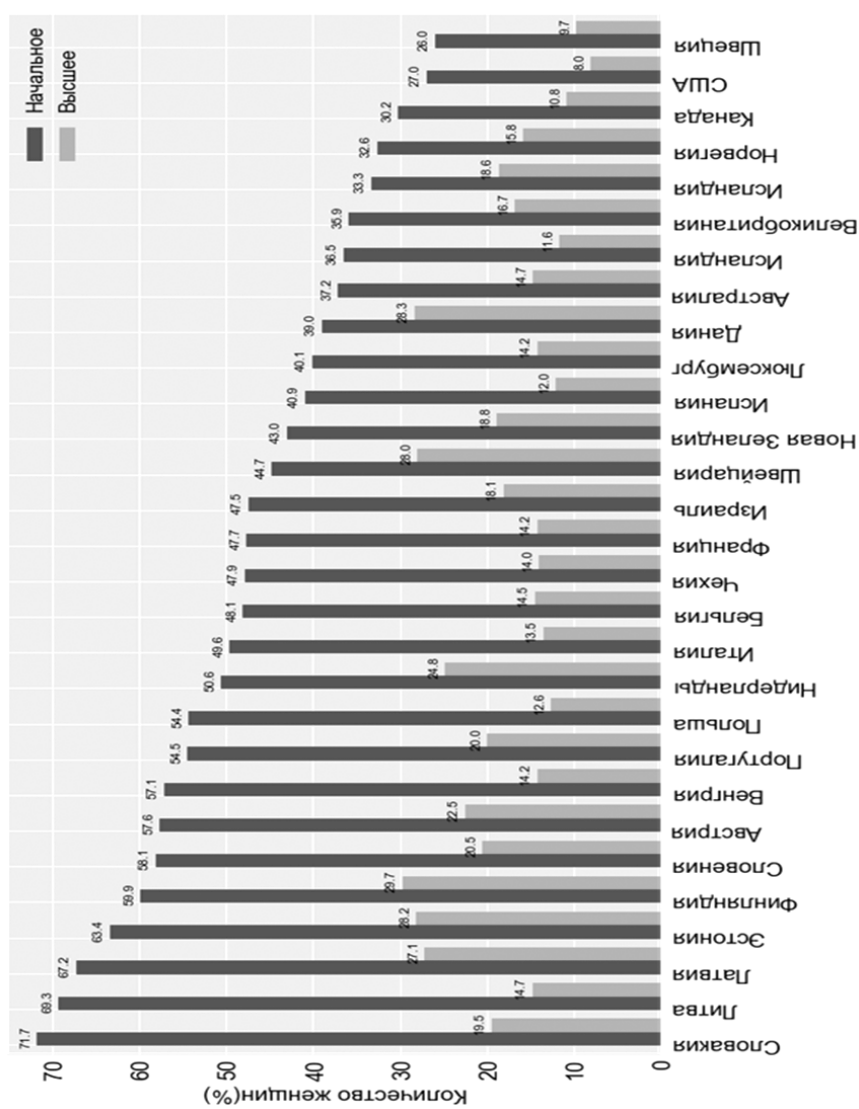
Source: Authoring

Рисунок 4

Процент женщин, сообщивших о наличии ограничений в физической активности по причинам, связанным с состоянием здоровья (по уровням образования)

Figure 4

Percentage of women reporting physical activity limitations for health reasons (by education level)

Источник: авторская разработка

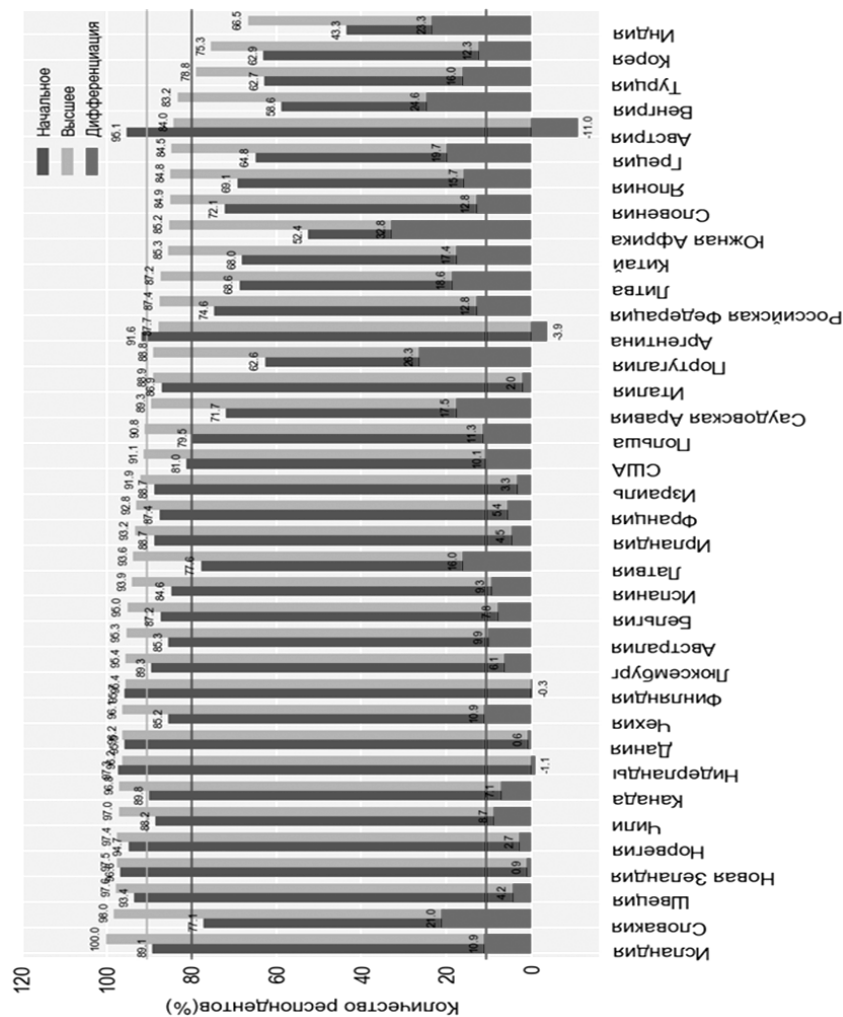
Source: Authoring

Рисунок 5

Субъективные оценки удовлетворенности жизнью в различных странах ОЭСР с учетом уровня образования, % опрошенных в возрасте от 25 до 64 лет

Figure 5

Subjective assessments of life satisfaction in different OECD member countries, taking into account the level of education, percentage of respondents aged 25 to 64

Источник: авторская разработка

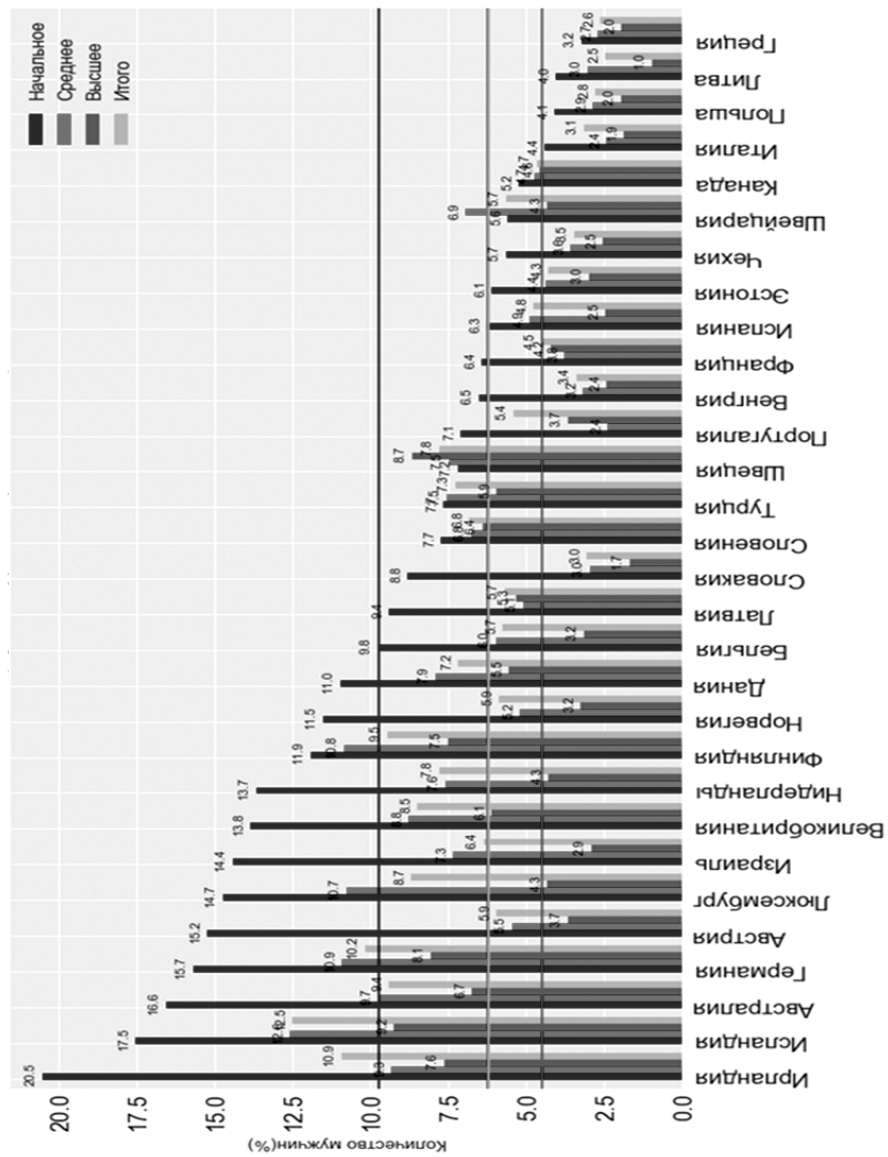
Source: Authoring

Рисунок 6

Субъективные оценки по странам ОЭСР наличия у мужчин депрессии с учетом уровня образования, %

Figure 6

Subjective assessments of the presence of depression among men by OECD member countries, taking into account the level of education, percentage

Источник: авторская разработка

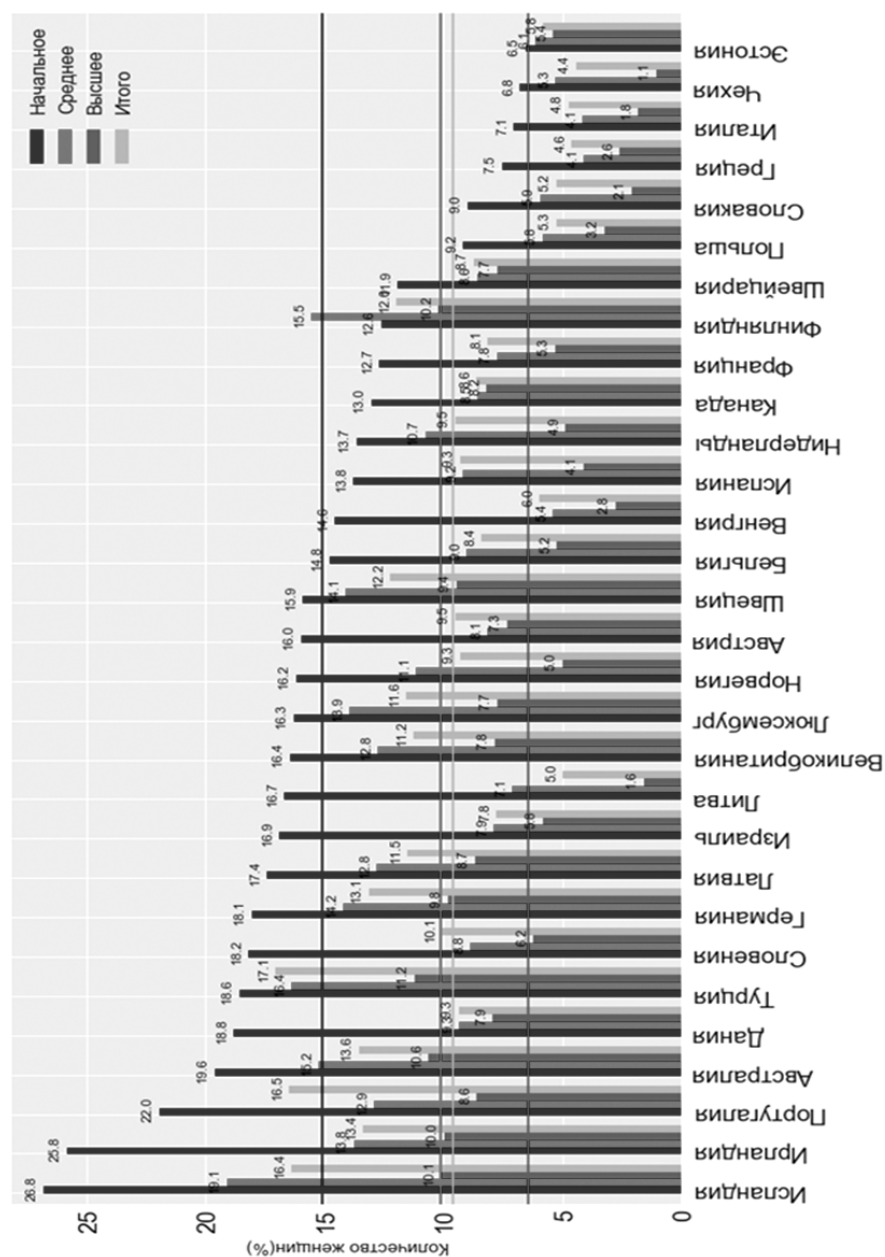
Source: Authoring

Рисунок 7

Субъективные оценки по странам ОЭСР наличия у женщин депрессии с учетом уровня образования, %

Figure 7

Subjective assessments of the presence of depression among women by OECD member countries, taking into account the level of education, percentage

Источник: авторская разработка

Source: Authoring

Список литературы

1. Атаханов Р.А. Инвестиции в образование: теория и методология // Фундаментальные исследования. 2018. № 1. С. 24–28.
2. Ильина Н.А., Путилов А.В. Инновационная экономика, инновационное бизнес-образование и инновационные компетенции // Инновации. 2016. № 1. С. 31–37.
3. Корнилова И.М. Высшее образование России в условиях рыночной экономики в XXI веке // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2016. № 2. С. 15–19.
4. Леонова Ж.К. Высшее образование как фактор экономической безопасности в условиях развития инновационной экономики // Вестник РАЕН. 2016. Т. 16. № 4. С. 22–25.
5. Psacharopoulos G., Patrinos H.A. Returns to investment in education: A decennial review of the global literature // *Education Economics*. 2018. Vol. 26. P. 445–458.
6. Abankina I.V., Abankina T.V., Filatova L.M. The pitfalls of differentiation in the financing of Russian universities // *Russian Education and Society*. 2018. No. 2. P. 101–132.
7. Мельников Р.М. Оценка эффективности инвестиций в высшее и среднее профессиональное образование в современных российских условиях // *Экономический анализ: теория и практика*. 2017. Т. 16. Вып. 8. С. 1486–1507. URL: <https://doi.org/10.24891/ea.16.8.1486>
8. Недоспасова О.П., Барышева Г.А., Таран Е.А. Многосубъектный подход к обеспечению благополучия: взгляд с позиций теории человеческого капитала: монография. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2015. 290 с.
9. Gigliotti P., Sorensen L.C. Educational resources and student achievement: Evidence from the save harmless provision in New York state // *Economics of Education Review*. 2018. Vol. 66. P. 167–182.
10. Heckman S.J., Montalto C.P. Consumer risk preferences and higher education enrollment decisions // *Journal of Consumer Affairs*. 2018. Vol. 52. Iss. 1. P. 166–196.
11. Li M., Goetz S.J., Weber B. Human capital and intergenerational mobility in U.S. counties // *Economic Development Quarterly*. 2018. Vol. 32. Iss. 1. P. 18–28.
12. Соболева И.В., Чубарова Т.В. Вызовы для социальной политики России: необходимость новой модели // *Экономическая наука современной России*. 2017. № 3. С. 55–69.
13. Фролова Е.В., Рогач О.В. Экономика образования: от бесплатной привилегии к коммерциализации образовательных услуг // *Социальная политика и социология*. 2017. Т. 16. № 5. С. 167–174.
14. Савицкая Е.В., Алтунина Н.С. Высшее образование: репутационные эффекты, сигнальные искажения и благоприятный отбор // *Journal of Institutional Studies*. 2017. № 9. С. 117–133.
15. Issayeva G.K., Abdikadirova A.A., Aliyeva Z.T. et al. Public private partnerships in education: Modes of governance in developing economy // *Journal of Entrepreneurship Education*. 2018. Vol. 21. Iss. 3. P. 112–128.
16. Flory J.A. Formal finance and informal safety nets of the poor: Evidence from a savings field experiment // *Journal of Development Economics*. 2018. Vol. 135. P. 517–533.

17. Datzberger S. Why education is not helping the poor. Findings from Uganda // *World Development*. 2018. Vol. 110. P. 124–139.
18. Hodge G.A., Greve C. On public–private partnership performance: a contemporary review // *Public Works Management and Policy*. 2017. Vol. 22. Iss. 1. P. 55–78.
19. Григорьева И.А. Сто лет трансформаций социальной политики в России // *Журнал исследований социальной политики*. 2017. № 4. С. 497–514.
20. Денисова И.П., Рукина С.Н. Финансовое обеспечение социальной политики в современных условиях // *Финансовая аналитика: проблемы и решения*. 2016. Т. 9. Вып. 37. С. 2–12.
21. Лунькин А.Н. Инновационное развитие экономики и профессиональное образование: проблемы взаимосвязи // *Менеджмент и бизнес-администрирование*. 2018. № 1. С. 120–134.
22. Вязкина И.В. Социально-экологические аспекты экономической безопасности в рамках концепции устойчивого развития // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2018. Т. 14. Вып. 12. С. 2259–2276. URL: <https://doi.org/10.24891/ni.14.12.2259>
23. Цыплакова Д.А. Внешние эффекты знаний как объективная предпосылка формирования экономики знаний // *Экономические науки*. 2010. № 9. С. 45–48.
24. Недоспасова О.П., Кайда А.Ю., Недоспасов А.А. Финансирование высшего образования в условиях экономической нестабильности: общее и частное для стран ОЭСР // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2016. Т. 12. Вып. 7. С. 178–191.
25. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело, 1996. 687 с.

Информация о конфликте интересов

Мы, авторы данной статьи, со всей ответственностью заявляем о частичном и полном отсутствии фактического или потенциального конфликта интересов с какой бы то ни было третьей стороной, который может возникнуть вследствие публикации данной статьи. Настоящее заявление относится к проведению научной работы, сбору и обработке данных, написанию и подготовке статьи, принятию решения о публикации рукописи.

SOCIAL EXTERNALITIES OF EDUCATIONAL INVESTMENTS: EXPERIENCE OF OECD MEMBER COUNTRIES

Ol'ga P. NEDOSPASOVA^{a,*}, Galina A. BARYSHEVA^b, Anastasiya Yu. KAIDA^c

^a National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation
olgaeconomy@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8272-4616>

^b National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation
ganb@tpu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2746-1355>

^c National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation
ayk13@tpu.ru
ORCID: not available

• Corresponding author

Article history:

Received 24 January 2019
Received in revised form
11 February 2019
Accepted 28 February 2019
Available online
15 April 2019

JEL classification:

E21, F63, H52,
J24, I25

Keywords: education,
investment, externality,
health, life satisfaction

Abstract

Subject The article addresses investment in education as a key condition of socio-economic development of the society and individuals' well-being.

Objectives The study aims to identify, compare, and summarize information about explicit and implicit social externalities that stem from the level of education of a person and change as it increases.

Methods We review the international statistical data and use the methods of comparison, theoretical analysis and synthesis, abstraction, induction, classification, and analogy.

Results The paper describes the underinvestigated forms and the degree of intensity of externalities associated with investments in education. It shows the impact of the level of education (primary, secondary, higher) of people aged 25 to 64 years in various OECD member countries on the subjective value judgments about health status, limitations in physical activity due to health problems, satisfaction with life in general, propensity toward depression.

Conclusions and Relevance We revealed potential reasons for differences in obtained results for various OECD member countries, and for males and females. The paper substantiates the importance of identified patterns for the prospects of Russia's socio-economic development and for supporting decisions on the scale and forms of investment in education.

© Publishing house FINANCE and CREDIT, 2019

Please cite this article as: Nedospasova O.P., Barysheva G.A., Kaida A.Yu. Social Externalities of Educational Investments: Experience of OECD Member Countries. *National Interests: Priorities and Security*, 2019, vol. 15, iss. 4, pp. 629–647.
<https://doi.org/10.24891/ni.15.4.629>

Acknowledgments

The article was supported by the Russian Foundation for Basic Research as part of R&D project № 19-010-00984 *Developing a Comprehensive Assessment of Effectiveness of Senior Citizens' Involvement in the Regional Society*.

References

1. Atakhanov R.A. [Investments in education: Theory and methodology]. *Fundamental'nye issledovaniya = Fundamental Research*, 2018, no. 1, pp. 24–28.
URL: <http://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=42043> (In Russ.)

2. Il'ina N.A., Putilov A.V. [An innovative economy, innovative business education and innovation competence]. *Innovatsii = Innovations*, 2016, no. 1, pp. 31–37.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnaya-ekonomika-innovatsionnoe-biznes-obrazovanie-i-innovatsionnye-kompetentsii> (In Russ.)
3. Kornilova I.M. [Higher education in Russia in market economy in the 21st century]. *Vestnik Rossiiskogo ekonomicheskogo universiteta im. G.V. Plekhanova = Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics*, 2016, no. 2, pp. 15–19.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vysshee-obrazovanie-rossii-v-usloviyah-rynochnoy-ekonomiki-v-xxi-veke> (In Russ.)
4. Leonova Zh.K. [Higher education as a factor of economic security in the conditions of innovative economy development]. *Vestnik RAEN = Vestnik of Russian Academy of Natural Sciences*, 2016, vol. 16, no. 4, pp. 22–25. URL: <http://raen.info/upload/000/vestnik/2016/4/22-25.pdf> (In Russ.)
5. Psacharopoulos G., Patrinos H.A. Returns to investment in education: A decennial review of the global literature. *Education Economics*, 2018, vol. 26, pp. 445–458.
URL: <https://doi.org/10.1080/09645292.2018.1484426>
6. Abankina I.V., Abankina T.V., Filatova L.M. The pitfalls of differentiation in the financing of Russian universities. *Russian Education and Society*, 2018, vol. 60, iss. 2, pp. 101–132.
URL: <https://doi.org/10.1080/10609393.2018.1451186>
7. Mel'nikov R.M. [Evaluating the return on investments in higher and secondary vocational education under modern conditions in Russia]. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika = Economic Analysis: Theory and Practice*, 2017, vol. 16, iss. 8, pp. 1486–1507. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.24891/ea.16.8.1486>
8. Nedospasova O.P., Barysheva G.A., Taran E.A. *Mnogosub"ektnyi podkhod k obespecheniyu blagopoluchiya: vzglyad s pozitsii teorii chelovecheskogo kapitala: monografiya* [The multi-actor approach to well-being: Perspectives from the theory of human capital: a monograph]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 2015, 290 p.
9. Gigliotti P., Sorensen L.C. Educational Resources and Student Achievement: Evidence from the Save Harmless Provision in New York State. *Economics of Education Review*, 2018, vol. 66(C), pp. 167–182. URL: <https://doi.org/10.1016/j.econedurev.2018.08.004>
10. Heckman S.J., Montalto C.P. Consumer risk preferences and higher education enrollment decisions. *Journal of Consumer Affairs*, 2018, vol. 52, iss. 1, pp. 166–196.
URL: <https://doi.org/10.1111/joca.12139>
11. Li M., Goetz S.J., Weber B. Human Capital and Intergenerational Mobility in U.S. Counties. *Economic Development Quarterly*, 2018, vol. 32, iss. 1, pp. 18–28.
URL: <https://doi.org/10.1177/0891242417752436>
12. Soboleva I.V., Chubarova T.V. [Challenges to social policy in Russia: A need for a new model]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii = Economics of Contemporary Russia*, 2017, no. 3, pp. 55–69. (In Russ.)
13. Frolova E.V., Rogach O.V. [Economics of education: From a free privilege to the commercialization of educational services]. *Sotsial'naya politika i sotsiologiya = Social Policy and Sociology*, 2017, vol. 16, no. 5, pp. 167–174.
URL: https://rgsu.net/netcat_files/multifile/5219/3/SP_5_2017_V_PeChAT_ITOG.pdf (In Russ.)
14. Savitskaya E.V., Altunina N.S. [Higher education: Reputational effects, distorted signaling and propitious selection]. *Journal of Institutional Studies*, 2017, no. 9, pp. 117–133.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vysshee-obrazovanie-reputatsionnye-effekty-signalnye-iskazheniya-i-blagopriyatnyy-otbor> (In Russ.)

15. Issayeva G.K., Abdikadirova A.A., Aliyeva Z.T. et al. Public Private Partnerships in Education: Modes of Governance in Developing Economy. *Journal of Entrepreneurship Education*, 2018, vol. 21, iss. 3, pp. 112–128. URL: <https://abacademies.org/articles/public-private-partnerships-in-education-modes-of-governance-in-developing-economy-7209.html>
16. Flory J.A. Formal finance and informal safety nets of the poor: Evidence from a savings field experiment. *Journal of Development Economics*, 2018, vol. 135(C), pp. 517–533. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jdeveco.2018.07.015>
17. Datzberger S. Why education is not helping the poor. Findings from Uganda. *World Development*, 2018, vol. 110(C), pp. 124–139. URL: <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2018.05.022>
18. Hodge G.A., Greve C. On Public–Private Partnership Performance: A Contemporary Review. *Public Works Management and Policy*, 2017, vol. 22, iss. 1, pp. 55–78. URL: <https://doi.org/10.1177/1087724X16657830>
19. Grigor'eva I.A. [One Hundred Years of Social Policy Transformation in Russia]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki = The Journal of Social Policy Studies*, 2017, no. 4, pp. 497–514. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sto-let-transformatsiy-sotsialnoy-politiki-v-rossii> (In Russ.)
20. Denisova I.P., Rukina S.N. [Financial support to the social policy in the current conditions]. *Finansovaya analitika: problemy i resheniya = Financial Analytics: Science and Experience*, 2016, vol. 9, iss. 37, pp. 2–12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/finansovoe-obespechenie-sotsialnoy-politiki-v-sovremennyh-usloviyah> (In Russ.)
21. Lun'kin A.N. [Innovative economic development and professional education: Problems of interconnection]. *Menedzhment i biznes-administrirovanie = Management and Business Administration*, 2018, no. 1, pp. 120–134. (In Russ.)
22. Vyakina I.V. [Social and environmental aspects of economic security as part of the sustainable development concept]. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost' = National Interests: Priorities and Security*, 2018, vol. 14, iss. 12, pp. 2259–2276. URL: <https://doi.org/10.24891/ni.14.12.2259> (In Russ.)
23. Tsyplakova D.A. [External effects of knowledge as an objective prerequisite for the knowledge-based economy formation]. *Ekonomicheskie nauki = Economic Sciences*, 2010, no. 9, pp. 45–48. (In Russ.)
24. Nedospasova O.P., Kaida A.Yu., Nedospasov A.A. [Higher education financing in the face of economic instability: The general and the particular for OECD countries]. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost' = National Interests: Priorities and Security*, 2016, vol. 12, iss. 7, pp. 178–191. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/finansirovanie-vysshego-obrazovaniya-v-usloviyah-ekonomicheskoy-nestabilnosti-obshchei-i-chastnoe-dlya-stran-oesr> (In Russ.)
25. Blaug M. *Ekonomicheskaya mysl' v retrospektive* [Economic thought in retrospect]. Moscow, Delo Publ., 1996, 687 p.

Conflict-of-interest notification

We, the authors of this article, bindingly and explicitly declare of the partial and total lack of actual or potential conflict of interest with any other third party whatsoever, which may arise as a result of the publication of this article. This statement relates to the study, data collection and interpretation, writing and preparation of the article, and the decision to submit the manuscript for publication.